

Феод Кикичундрариум: разум существа

Уже вечерело. По улице шёл в состоянии лёгкого подпития человек труднозапоминающейся внешности, неменяемого возраста, роста, цвета волос, кожи, глаз, да и что греха таить — пол его тоже был вполне себе неопределённым. В общем, совершенно непримечательная личность. На нём были истрёпанные временем штаны, не вполне опрятная куртка, вывернутая наизнанку шапка и выдавшие виды узкие ботинки цвета свежееосвежёванного лося.

Человек не знал, что пряталось за деревьями и стенами высоких кирпичных домов, а ведь его преследовала по-спортивному одетая девушка в иссиня-чёрных вороньих очках, жадно обсасывающая чупа-чупс в перерывах между курением роскошной трубки. Она хитро выглядывала из-за домов, кому-то беспрестанно звонила и сообщала неизвестно для кого полезные сведения, задирая сверкающие на солнце очки под самый лоб. Человек залез на дерево, прицепил к поясу фонарь и достал из запазухи бутерброд, по-видимому, решив свершить обеденную трапезу в природных условиях, но увидев девушку с чупа-чупсом, только что вывернувшую из-за угла многоэтажного дома, он вдруг решил узнать у неё одну вещь, столь давно его волновавшую.

Девушка остановилась под деревом, достала из кармана брюк пассатижи и начала ими активно щёлкать в направлении мужчины. Тот, в свою очередь, вытащил и кармана клубок ниток, один конец клубка привязал к собственному поясу, а вторую часть клубка бросил девушке с криком: «Держи снаряд, Маруся!». По нитке клубка на скрепке он отправил девушке записку, где сообщалось: «Здравствуйте, глубокоуважаемая! Я — Вячеслав Бурнако. Вы не подскажете, как пройти до ближайшего параллельного мира? Или куда ещё? Хочу!» Внезапно оказалось, что нитка привязана не к поясу Бурнако, а к ветке дерева, причём самого Бурнако почему-то нигде поблизости вовсе даже и не имелось. Однако он оказался сидящим нога за ногу на лавочке поблизости. Девушка взяла его под руку и повела в неопределённом направлении...

В квартире было довольно, лишь изредка поблескивало что-то отдалённо напоминающее проблесковые маячки. Маг Форель стоял за дверью и держал большой раскидистый кактус, на который была надета ярко-красная кепка. Он был весь с ног до головы обвешан многочисленными амулетами, так что нет ничего удивительного, что когда в дверь постучали, то у Фореля Сайдела в руках вместо кактуса оказался бубен. Он прокричал громко: «Войдите!», - и трижды треснул по бубну специальной колотушкой. В центре комнаты возникли Маруся Чупа под руку с Вячеславом Бурнако. Форель стрельнул взглядом в сторону кухни и телепортировал оттуда мусорное ведро, торжественно водрузив его в центр комнаты, чем заставил Марусю и Вячеслава отодвинуться. «Вот!», - громогласно провозгласил Форель и снова повторил: «Вот!». Установилась тишина, и стало слышно, как мельчайший паучок в углу плетёт паутину. «Это ель подпространств», - произнёс маг, - «Мы подобны сору на Загровке мира, Земля трясёт кудрями нас, но мы цепляемся подобно семенам репейника в собачьей шерсти! Что вам нужно?»

- Вячеслав хочет странствий, путешествий, так сказать, - таинственно и одновременно жеманно произнесла Маруся, почему-то смутившись и продолжая тыкать в щёку своим чупа-чупсом. В этот самый миг Бурнако ощутил странное головокружение, от которого немеют все конечности, и принялся раскачиваться, но возникший где-то изнутри смерч словно засосал его в собственную сердцевину, вывернув через многомерность в пучину космической Пустоты. Когда же сознание Вячеслава проявилось, словно фотография поляроида, то оказалось, что он по-прежнему движется с Марусей Чупой в некоем неизвестном направлении.

Наконец, они вдвоём достигли дома назначения и принялись подниматься по лестнице вверх. Квартира даже на квартиру не походила. Некое жалкое подобие каморки трубочиста, смачно и усердно прокопчённое табачными смолами, ежедневно исторгаемыми владельцем из курительной спецустановки, в народе именуемой бурбулятором.

- Здравствуйте! Можно? - поинтересовался Вячеслав, несмело постучав в дверь.

- Входите, чего уж там! - откликнулся Форель Сайдел, -Я даже знаю, что вас двое. И двое тоже — входите!

Маруся Чупа прижалась к Вячеславу, а зубы её стукнули от страха, отдавшись огневой вспышкой в глазах. Дорогу пересекла стайка гусей. Вячеслав словно бы наткнулся на невидимую стену, через которую не в силах был переступить. На том месте, где только что стояла Маруся Чупа,

оказался плюшевый медвежонок, хитро подмигивающий обоими глазами. Вячеслав расстелился на полу носом кверху, а маг Форель, настойчиво и бодро выпивший какой-то отвар из множества тех, что варились у него в углу, надел каучуковые хирургические перчатки, взял жезл, ударил им гулко в бубен и, направив руки на медведя, произнёс: «Медведь Фёдор, нарекаю тебя Оракулом Земли, Мира и Вселенной Трансбаром Эхоном третьим!» Усевшись в позу лотоса на полу, Вячеслав хрипло спросил: «Ты куда Марусю Чупу запропастил, а, Форелище колдовское?»

- Возрадуйся, Бурнако! - был ответ, - Чупа теперь медведь Трансбар. И он гласит триединство космических истин. Так возрадуйся же!

Громовой голос Оракула произнёс: «Дай!» Воцарилась гробовая тишина. Первым из оцепенения вышел Форель. «Вот видишь», - произнёс он, - «Оракул хочет. А если Оракул хочет, значит — нужно!»

- Верни Марусю, она клубок забыла, я ей отдать должен, - сказал Бурнако Вячеслав.

- Хорошо, я верну тебе Марусю, чтобы ты отдал ей клубок, если ты дашь Оракулу. А дать ему ты должен могущественный артефакт Аджна Бодхисаттвы. Если достать сумеешь конечно. А когда ты отдашь Марусе клубок, я с чистым сердцем и радостью от выполненного перед тобой обязательства опять превращу Чупу в Трансбара.

- Всегда готов! И всё всегда умею! - вскочил Вячеслав.

- На, выпей, - Сайдел подал Вячеславу какой-то отвар, - А теперь добро пожаловать в этот дивный новый мир будущего, - произнёс Сайдел и распахнул двери чулана, сделал пригласительный жест. Сначала было темно. А потом тоже было темно. Затем громогласный Оракул произнёс: «Это медведь, это всё он!» После этого темно было совсем недолго, ну разве что совсем чуть-чуть, а затем стало светло. Вячеслав стоял на берегу реки, вокруг высились какие-то постройки, с противоположной стороны — какие-то холмы.

По тропинке рядом шла некая девица, раскачиваясь всем телом в разные стороны. Она очень хмуро посмотрела на Вячеслава, цыкнула языком: «Понаехало тут всякое такое-разэдакое, да ещё и из прошлого к тому же! Ну чего вылупился?! Прибыл в будущее — дуй куда-нибудь, пятками сверкай, нефиг тут глаза честным людям мозолить! Кстати, я — Верховная Трансгалактическая Предсказательница, а зовут меня — Матрёшка Мухомор!»

Мухомор подошла к дереву и начала хищно срывать с него объявления о продажах плазмоганов, напалмассы, бесконечных летучек и аспективных ЭВМ, не обращая никакого внимания на Вячеслава. А тот молвил:

- Ну раз ты такая уж прям предсказательница, то и скажи мне, что будет дальше.

- Глаз, - ответила Матрёшка Мухомор, не отрываясь от дела отрывания объявлений. Затем она принялась биться головой о дерево, а ещё затем — резво скакать вокруг дерева, напевая песенку, да ещё и непосредственно так: «Карусели обрусели, локти съели дни недели. Если с вами поделюсь, то останется лишь груздь. Ну а я — не помидор, потому что — мухомор!» Затем Матрёшка уставилась на Вячеслава своими большими круглыми глазами: «А я посмотрю, смелый ты парень, сунуться к нам решил. У нас тут — бух-бух, тра-та-там-бам-парарам-ляпапам! Ну эта, короче, война у нас тут идёт.

- А из-за чего воюете-то? - спросил Вячеслав.

- Да амулет каждый у каждого перетаскиваем! Аджна Бодхисаттвы зовётся. А я вообще на ниточке тут торчу. После Пятой Ядерной пришёл Хеларзмад и заключил сделку с Золочёными. Ну а они вывернули трансформы и пошли репу отстреливать да капусту рубать. Жвах вышел. Я не знаю. Амулет разрывает репликаторы, вот от него музы и слоятся. Я поворачиваю лишь на йоту, а мир — он другой уже, в общем, власти они хотят, вот и дерутся. Мир — он ведь простой. Открою страшную тайну: всё, что ты видишь вокруг, сделано из кубиков и шариков, а от их сочетания зависит, что получится — курица или яйцо. Или вообще лицо. Вот так! Но периодические волнообразные сдвиги смещают шарики, и они выпадают из кубиков, а при реконструкции рождаются химеры, считающие химерами прошлые сочетания шариков и кубиков. К тому же мир боится каждой новой такой волны, поэтому и дрожит заранее, а чем сильнее дрожит, тем расхлябаннее шарики и кубики, и тут — новая волна — и всё снова собирать. А амулет содержит в себе заранее просчитанные сочетания шариков и кубиков. Тем и ценен.

- А ты — шарик или кубик? - спросил Вячеслав.

- Сам ты шарик, - оскорбилась Матрёшка. - Это у тебя шарики снизу болтаются, а я же — гордый кубик! - Матрёшка Мухомор стала в позу, а Вячеслав Бурнако обиделся. Но следующим и впрямь оказался глаз.

- Порядок, - послышался голос. - Он в норме. Позвольте представиться: Угоб Базукин собственной, так сказать, персоной. Приведите его в кабинет, - Угоб обратился к своим сослуживцам. В кабинете было довольно тесно.

- Прилживайтесь, - сказал Угоб и залез под кровать. Базукин был уверен, что под кроватью разговор получится строго конфиденциальным. В этот самый момент снова раздался громогласный восклик оракула: «Дай!» Базукин комом сжался под кроватью.

- Тссс! Тише! От ока Великого Оракула медведя Фёдора нигде не скроешься! - задумчиво произнёс Базукин. - В общем, залезай под кровать, разговор есть.

Вячеслав залез под кровать, а там что-то щёлкнуло, и он понял, что вылезти уже не сможет. В этот момент расхлопнулась дверь, через всю комнату чинно прошествовал маг Форель Сайдел и скрылся в стене, а Угоб заговорил: «Мы не знаем, когда это закончится. Фонтаны блещут, а толку мало, да и вообще - толку мало. Ох, зря, Вячеслав, ты в дело это ввязался. Ты слышишь, мне нужен амулет, чтоб ходить туда-сюда». Базукин вытащил из кармана огромную луковицу, вытащил её на середину комнаты и взмахом топора разрубил луковицу напополам. В самой сердцевине её покоилась записка, на которой, как оказалось, значилось всего лишь три буквы: «Дай!»

- Это Оракул, о боже, это же Оракул, нам всем теперь крышка! Что же делать? - Угоб стал под кроватью совсем походить на улитку, забившуюся под панцирь. - Я вот хочу срезать лучок миров: вот так, вот так, вот так! - ошмётки лука разлетелись в разные стороны.

В это время из стены, куда вошёл Форель, появилась Матрёшка Мухомор и назидательно произнесла: «Глазик требует идей, и отнюдь не для детей. Ну когда же ты сорвёшь с шеи тонкой эту брошь?» С этими словами Матрёшка Мухомор вручила кувшин с водой Базукину. Из кувшина на него посмотрело плюшевое отражение Трансбара с искристыми полистироловыми глазками, а Мухомор вышла через стену, противоположную той, через которую зашла.

- Вселенная, она же как лук, - заговорил Угоб. - Вот ты возьми всю луковицу и посмотри сквозь неё — многое ли увидишь? Думается, что ничего, разве что свет отличишь от тьмы. А теперь ты с луковицы своей кутикулу сними. Да ты не стесняйся — сними-ка, сними свою кутикулу и через неё посмотри на мир. Уже что-то можно разглядеть, где-то что-то видно, правда? Вот и Аджна наша — она именно такая, как ты просто человек — то смотришь сквозь луковицу, а Аджна наша — она-то ж это, кутикулу, понимаешь, снимает.

Внезапно стулья и тарелки задрожали, а в комнату ворвались люди в перьевых комбинезонах: «Стоять, Базукин, лежать, Базукин! Угоб, а ну не двоиться! Вы задержаны по обвинению в суициде! А если вы не знаете местоположение Аджны Бодхисаттвы, то мы поможем тебе его совершить. Добровольно! Выбирай!»

Угоб рассыпался на гирлянды, а вошедший человек протянул Бурнако руку, облаченную в изящную перчатку: «Знакомьтесь, я — агитатор Долозон Мяу. Агитирую мир за воссоединение. Требую пройти со мной». Со всех сторон, куда только достигал взор, простирались кусты. Собственно, именно поэтому взор охватывал не такую уж и значимую часть суши — кусты были буквально под носом и загораживали всё, что находилось за ними.

- А теперь — марш в кусты! Ведь я — агитатор или конь в пальто? - последовала сумбурная, скукоженная и лихорадочная погоня в кустах, однако же когда они разверзлись, то на пьедестал, установленный на небольшой холмистой возвышенности, вышел агитатор, громогласно провозгласивший свою агитацию:

«Товарищи! Мир — это не кусок мыла или хлеб, а кирпич и сталь! Так не позволим же вражьи судьбам на чужбине строить мировые суррогаты! От края до краешек он исполнен вашего труда, ваших сил и ваших затей, впрочем, не всегда обоснованных. Возможно, он бы напоминал поролон, если бы не был столь прекрасен! Да, да! Именно поролон! Натуральный, природный поролон! Мягкий и, впрочем, пушистый, как и вода. Мы вплетены в его ячеистую структуру, пока не выпали. Живём, если поролон, связывающий нас, крепок. Разорван — мы навеки выпадаем в космический эфир, мы освобождаемся. Причём ячейки, связывающие нас вместе, ткнут пауки наших душ, скомканных в протоплазматическую биомассу проявленных чувств и эмоций.

Был один! Умный такой! Натёрся оливкой до состояния скольжения и выпал, но поролон-то его так и не отпустил, так и держал его за пятку до самого будущего, а он барахтался среди порванцев, то есть тех, кто поролон свой разорвал и уже не вернётся в уютные ячейки.

Появившаяся на стуле перед Долозоном Мяу Матрёшка Мухомор резко и радостно засмеялась, захлопав в ладоши. Затем она мерзенько так захихикала и сказала: «Ну всё, агитатор, пришла твоя Кикичундра!» И впрямь, недалеко показалась Кикичундра Ворсик. Долозон сразу оживился: «Опять от Грамоны? Привет Грамоне!»

- Обязательно передам, - подлетела на метле Кикичундра. - Мы здесь все сражаемся за Аджну Бодхисаттвы, но до сих пор не знаем, где этот амулет. Узнать нам поможет обряд крышевания во имя исполнения танца на крыше. Местность вокруг принялась стремительно разглаживаться, но в кустах ещё успела юркнуть ловкая и хитрая Матрёшка Мухомор, стащив с собой метлу Кикичундры.

- Куда, стерлядь? - взвыла Ворсик, но Матрёшки и след простыл, вокруг же простиралась крыша. - Ваша задача — панцирь. Создать кожуру для защиты амулета. - произнесла Кикичундра и принялась разбрасываться файерболами. Вы также должны станцевать особый вид танца, подобие магических пассов, но главное — чтобы задушевно так! Кикичундра развела руки, и в небе сверкнула молния, но вот снова раздался громopodobный восклик Оракула Трансбара: «Дай!»

И в небе появилось голографическое изображение плюшевого мишки Фёдора. Ну всё. Грамона идёт. Собственной персоной. Дожили. Берегись, герой, будут разборки.

- Да вы танцуйте, танцуйте, - продолжала Кикичундра Ворсик. И они начали исполнять свой особый танец для привлечения поиска амулета Аджна Бодхисаттвы. А Грамона-то всё едет или идёт. Кикичундра меж тем делом образовала вокруг себя подобие разделения, с двух сторон от неё пирамиды растекались в разные стороны, она отделила себя от окружающей реальности, но её госпожа Грамона была сегодня благосклонна, как никогда.

Домашним животным Грамоны был оракул плюшевый - Трансбар Эхон, которого она везде таскала с собой подмышкой. Эхон рычал, пыхтел и сверкал красными звёздами полистироловых очей. Меж тем, Кикичундра превращалась в нечто иное и другого цвета. Только что Грамона, обвешанная по всему периметру снарядами, пистолетами и пулемётными лентами, открыла новый мир. И этот мир не предвещал ничего хорошего. Быть может.

Внезапно вокруг померк свет, а когда всё проявилось, то оказалось, что в центре подсвеченной комнаты стоял человек, судя по всему, среднего пола. Он был одет во всё чёрное и кожаное, наводя на мысли об НКВД, но в то же время был бледнее графа Дракулы, имел ярко-красные пылающие и блестящие губы в сочетании с синюшными кругами под глазами, явственно свидетельствовавшими о том, что владелец этих кругов — большой любитель приложиться к бутылочке чего-нибудь горячительного.

На освещённый пьедестал, где стоял бледный человек, некое «оно», вдруг вышла на лыжах Матрёшка Мухомор. Она была одета в мини-юбку, закутана в простынь, обмотана шарфом, а на голове поверх чалмы имела поношенную шапку-ушанку. При виде Матрёшки человек оскалился, и все тут же узнали в нём невероятно изменившегося агитатора Долозона Мяу, однако Мухомор, словно бы не замечая его, внятно и ясно продекламировала: «Агитатор Долозон пьёт с утра одеколон. И поэтому в обед он городит всякий бред». Раздались бурные аплодисменты, несмотря на то, что вокруг не было никого, кроме агитатора Долозона Мяу и Матрёшки Мухомора.

Когда же предсказательница скрылась во тьме, из воздуха внезапно материализовалась увешанная боеприпасами Грамона Бамбах и навела на Долозона свою новейшую сверхсекретную разработку — пушку Жеубра-Елыкёзт в виде трубы с велосипедной педалью — чрезвычайно опасный бластер дальнего действия, оказывающий влияние только на агитаторов всех мастей и пород.

- Слушай, Долозонушка, ты — кобрячья крыска, а потому меня внимательно сюда слушай, - протяжно и с ударением на каждое слово проговорила Грамона Бамбах. - Мне нужна для владычества великая сила Аджны, или уже я не диктатор, что ли? Так что ты агитируй, агитируй давай, агитируй, агитируй, а я посмотрю, к чему это может привести!

- У меня, Грамона, дар особый! - отвечал Долозон. - Не всем просто так даётся. Агитации смещают точки сборки проекций окружения и реконфигурируют людей. Я говорю — а реальность вокруг плывёт, как кусок сливочного масла на сковороде, когда ты, Грамона, блины жарить.

- А я блины вовсе даже не жарю, - возмутилась Грамона. - Блины жарит моя верная боевая Кикичундра. Она в эктоплазму файерболами стреляет — вот тебе и готовы астральные блины.

- Ну а вот же и я, - говорит Мяс. - сказал «А» - мы ещё здесь, но уже если звучит «Б» - то всё другое, и ты тоже другая, Грамона, и Ворсик верная твоя — другая, один я — такой же, как и прежде, поскольку отражаюсь везде одинаково, в то время как дискретные люди смещаются с преобразованиями.

- Всем в Реальности известно, что тебя воспитывали паровозы, и ты смещенец, Долозон. Именно поэтому твоя доставка не искажает внутреннее естество, однако для меня твои услуги подобны встрече с собственным двойником.

Нежданно-негаданно со всех сторон полилась шаманская бубенно-варганная музыка, сопровождаемая горловым пением, свет слегка померк, а Долозон Мяс вокруг вешалки принялся танцевать танго, не забывая проводить агитацию Грамоны, подобно ищейке, направившей свой собачий нюх на Амулет.

- Граждане страны Соловей! Великую и притягательную силу таит в себе Амулет! Он невозбранно украден группировкой опальных шалунишек во главе непонятно-с-кем. Так неужели мы дадим энергии Вселенной попасть в карман к какому-нибудь вахлакчику? Ведь общеизвестно, что каждый из нас по праву рождения имеет право рождаться. Я не хотел бы строгать мозги колечками, но уж извольте доложить: квантовый скачок — это вам не детские шуточки! Люди могут и должны открывать щели между мирами, и задача любого Долозона — подготовка человечества к уходу в миры Нагваля. Для того, чтобы задействовать всю мощь амулета, нам просто необходимо становиться настоящими профессионалами в искусстве сновидения, ибо так лишь мы все сумеем преодолеть сопротивление проникновению ветров внутри себя, обретая личное Место Силы для каждого из нас.

Незнание метода обращения с амулетом подобно опасности водородной бомбы в руках компьютерной мыши — никто не знает, куда она направит свой единственный красный глаз на брюшке. Познавший Аджну Бодхисаттвы обретает видение воина и готов снова стать полным, расширив границы недостижимости.

В это время вернулась Матрёшка Мухомор, обёрнутая в греческую тунику и несущая кактус, при этом плавно напевая, растягивая слова: «Кактус врос между ушей — я гоню его взашей; курица вместо цыплят высидела кактусят!» Она вытащила из серой холщовой котомки, которую как раз тащила за спиной, куриную тушку и сковороду. Ловким движением натренированной руки шмякнула тушку об сковороду и принялась оттуда доставать яйца числом штуки в три. Яйца она умело разбивала о стенки сковороды — да вот незадача — после вытекания белка из каждого яйца оказывалось, что вместо желтка под скорлупу заныкался маленький тайный кактус. И так во всех трёх яйцах! Мухомор, вылупив шарообразные очи, маниакально причитала, толкая кактусят на рассмотрение каждому встречному-поперечному: «Нет, ну вы же видите! Видите?! Это всё кактусы, кактусы, кактусы! Аааа!»

А Мяс меж тем продолжал: «Общеизвестно, что бег силы не только способствует общему укреплению мускулатуры и повышению потенции, но также открывает в людях дотеле нереализованные возможности ощупывания окружающего пространства личными рукощупами каждого. Именно бег — первый шаг к чую линий мира, позволяющий сцеплять собственные кольца с кольцами других существ для изменения объектов тоналя и запутывания тех, кто смотрит, но не видит. Амулет раскрывает суть вещей и веществ. Носитель Амулета силён, как минога, и он среди нас. Так кто же он? Не ставьте палки на рога, поставьте их лучше в его колёса. Амулетчик должен быть раскрыт!»

Тут два чёрных безликих призрака внесли, как полено, Матрёшку Мухомор параллельно горизонту, которая тут же предрекла: «Власти дядька захотел? - В воздух пепел полетел! Что ж произойдёт, когда дядька вступит за врата?»

- Ты меня вдохновляешь, Долозон, так держать! - взвизгнула Грамона, до этого казавшаяся полностью неподвижной. - Я беру тебя с условием, что ты мне будешь помогать искать амулет. Пойдём со мной!

- Видишь, Грамона, я уже меняю мир, - откликнулся Долозон, он обернулся, и всё начало менять цвета и пропорции, предметы принялись плавиться, а сквозь них проступили новые очертания.

Ты что творишь, Мянчик! Ведь морфишь совсем не туда! Ох, совсем! - Грамона схватила агитатора за руку и они, плавно переливаясь, постепенно растворились в окружающем пространстве, чтобы оказаться в престранной комнате, в которой не за что было зацепиться взору человеческому, а равно как и не человеческому — тоже не за что уцепиться. Ибо был в комнате этой преимущественно только Угоб Базукин.

Он вмиг узнал агитатора и накинулся на него: «Так это ты тогда сбежал, номер 908? Встань в строй — и молчи!»

- Я не 908, я — 914, но тоже сбежал, о, мастер Угоб!

- Так встань в строй и молчи.

- Не для того воюем, - вмешалась Грамона. - Я предлагаю объединить наши усилия для поиска артефакта. А чтобы бороться за него и разрывать в клочья свои тушки нужно, как минимум, знать, куда, а главное — для кого копать. И под кого — в том числе. Предлагаю иерархам Земли поведать, как дошли до жизни такой. Факты укажут путь. А начнём мы с того, на кого укажет моя священная считалочка: «Глохли тролли, ели моли, пим — молился, мим — порхал. Печка в поле, нету соли, кто свеча — тот отвечай!»

Вдруг стемнело, утро сменилось ночью, а вечер — днём, в промозглой тишине зависло перламутровое лицо, которое, впрочем, оплавлялось в нечто бесформенное с растянутыми ложноножками, оно светилось и било молниями, кажется, в целом создавая ощущение похожести своим впечатлением на ходячую дафнию-переростка, но в шапочке, больше напоминающей цветочный глиняный горшок.

Механизированный голос произнёс: «Вас приветствует существо-пугач Утье Буханг. Отныне - вы — мои зомби. Будете слушать только мои приказы и выполнять то, что я говорю».

В момент всего этого действия потомственная цыганка Цацра Гуай сидела за столом своей комнаты, разложив по кругу зажжённые свечи и разговаривала с Оракулом. Трансбар был окружён оранжево-сине-жёлтым сиянием и пульсировал, подобно стробоскопу. В углу комнаты сгустилась тень и, раскачиваясь во все стороны одновременно, подошла к Цацре.

- Форель, ты ли это? - тихо спросила Цацра, слегка привстав.

- Да. Я заварил галактическую кашку, ты не находишь? Дай мне руку, - с этими словами маг вложил нечто в ладонь Цацры.

- Вот именно за этой штукой люди гоняются не одно десятилетие. Не понимают они, что сущность моя вложена вовнутрь этого амулета, и ничто им сотворить невозможно воли моей супротив.

Тут голос подал Эхон: «Сила, мне нужна сила предсказаний, отыщите сок молнии на челе у магуса, изыщите вытяжку третьего глаза, ибо он — проводник — преобразователь. Сила затребована — дай!»

- Оракул Эхон, как и любой другой портативный электроприбор, требует периодической подзарядки, - прокомментировала сказанное Гуай. - Извлечение силы амулета осуществляется традиционным танцем, поименованным нашим вековым кланом «Веретено ведьм». Мы должны исполнить ритуал обретения мудрости оракулом через твой амулет.

С этими словами Цацра, плотно прижав Сайдела к себе, начала чрезмерно быстро вращаться вокруг собственной оси, постепенно начиная напоминать не то намагниченную юлу, не то бег торсионного поля или даже, лучше сказать, веретено тутового шелкопряда, производящего свою тончайшую бесценную ткань, подобно пауку, утоконивающему свою жертву в плотную стопку слоёв непроницаемой паутины.

Однако же так оно и было — за фигурами Цацры и Фореля тянулась туго натянутая нить, утрамбовывающая их тела в туго укутанную куколку, чьи связи практически незримы до тех пор, пока их число не достигнет некоего неизвестного критического показателя. Когда же герои

разорвали путы, у Трансбара вспыхнули ярким светом глаза и рот, и он самоудовлетворённо произнёс: «Ну вот и всё, теперь я сыт!»

Сайдел упал на колени: «О, великий оракул Трансбар Эхон, позволь Цацре Посвящённой стать проводником мыслей твоих и идей, ответь же на несколько вопросов скромных поклонников твоих и слугителей верных твоих же!»

- Блюдце — на стол, плети — на пол. С нового дня — слушай меня! - механизированно и жужжаще проскрежетал Трансбар. Гуай достала из запазухи блюдце и выложила его на специальный лист предсказателей, содержащий на себе буквы кириллицы, клинопись, египетские иероглифы и скандинавское руническое письмо в равных пропорциях с каббалистической символикой и рисунками ацтекских богов.

Колдунья надела амулет, а Форель задал Эхону вопрос: «Муарекуйиуйчиллане часто упоминали о вареве полуразорвавшейся Луны. Число моих проекций эпохи гражданской войны должно быть рассчитано через суть эйдетического снимка варева».

Эхон очнулся из полусомнабулического оцепенения и завёл длинную речь:

- Когда лунный магнит сливает токи звёзд внутри себя в одной точке, образуется паутина, направление которой от каждой звезды — ко всякой звезде ведёт. Крючьями вживляясь в линии звёздных магистралей мы перенаправляем ракурсы, но повреждение трасс ранит их единство. Лишний же локатор Галактики, восстанавливающий направления, может быть собран в броневой сосуды ментала, заготовленные точками Разума путём наполнения взаимно противоположных характеристик поля энергоинформационного обмена. Жидкость оставляет только видимые плоскости, упуская из существования – оставшиеся. Собранный в сосуды менталов сок и есть вареве полураспавшейся Луны.

Когда Трансбар толкал речь, блюдце двигалось по бумаге просто с невообразимой скоростью, а противный жужжащее-дребезжащий громобойный голос оракула раскатывался и расплывался по ушам и душам людей, из коих поблизости были лишь Гуай и Сайдел.

- Это всё, что мне нужно было знать! - поблагодарил оракула Форель. – По теории сока я оказываюсь сам осьминогом... Впрочем, гражданскую войну пришло время прекратить.

- Не сомневайся, Форельчик, пугач Утье не дремлет, а уж он-то своё дело знает. Сцепись со мной полем трассой нервного энергоканала, - задумчиво и вкрадчиво медленно проговорила Гуай. Цацра и Форель взяли за руки и тотчас же рассыпались, обратившись в горстку разлетающегося по ветру чёрного пепла, и только Эхон продолжал подмигивать своими немного грустными малиновыми глазами...

По центру комнаты высился нарядный пьедестал с накидкой, на котором чинно и торжественно восседал оракул, над мохнатой плюшевой с ушками головой которого парил прелестно улыбочивый лик Утье Буханга, вводящего своими эманациями всех присутствующих в глубокий транс.

- Мне нужно примирение ваших сознаний, не примирение вас, ведь примирение тел без примирения умов недолговечно, а примирение умов по сути своей ведёт к примирению тел, - вкрадчиво и мягко говорила, порхая в воздухе, полупрозрачная сущность. Сидящие по кругу люди плавно и размеренно раскачивались в разные стороны в такт друг другу.

- А теперь, - продолжал Утье. – нам необходим приёмопередатчик ваших сигналов для трансляции вашего трансa мне прямо в мозг.

В это время в небе нечто довольно смачно забулькало, затрещало и забурчало, затем комната начала дымиться, а из рассеявшегося разноцветного дыма вышел гуманоид неопрятного вида. С него свисали нити и ещё какие-то корешки. Он, сутулясь и слегка подрагивая и попрыгивая, начал высыпать из мешка какой-то порошок. На нём был странный джентльменский котелок и кальсоны в сиреневую полосочку. Прекратив высыпать пыль, он снял шляпу и представился:

- Извольте, я – поганочник Циона Аэье, выполняю благородную миссию по заселению чужих планет колонизационными спорами своей цивилизации поганочников.

Когда Циона закончил говорить, то голос подал Трансбар Эхон: «Он – проводник! Транслятор – дай!»

- Ещё бы! – уверил всех поганочник Аэье. – Скоро споры колонистов прорастут в ваших нервных тканях, ведь пришёл я вас спасти и навестить. Жизнь моего народа – ключ от вашего

конфликта. Плесневые зародыши поганочников в ваших жилах – совершенномудры, уж они-то дружнее всех в мире и поэтому не станут воевать, чрез них обретёте вы познания о себе самих и о мире, вас окружающем, мои же собратья жизнь обретут в ваших телах.

- Но ты так похож на человека! – удивился Вячеслав Бурнако, сидевший в связанном состоянии в углу комнаты.

Я и впрямь был человеком – сие есть сущая правда, - объяснил Циона Вячеславу. – Однако впоследствии я вдруг пророс насквозь телепатической колониальной псило-плесенью, а теперь я вот поступаю именно так, как велит мне Центр.

- Так чего ж ты хочешь, Циона? – спросил тогда Бурнако.

- Жить в ваших домах, - ответил поганочник. – Планета здесь комфортна для нашего существования и всеобщего вашего блага ношения нас изнутри. Вам нечего бояться – мицелий поганочника со временем полностью заменит вашу нервную систему, ибо так велел Центр, а желания его не отклоняются, поэтому мы – вселенская форма коллективного разума. Коллегиальность, умеренность и практичность – вот те три столпа нашей цивилизации, лежащие в первооснове её существования. Мы – коммунистическая цивилизация, а иначе и быть не может при коллективности наших умов, но после того, как прошлые попытки донести идеал нашего строя до вашей цивилизации человечества завершились провалом, Центр принял решение о тотальной колонизации планеты Земля.

Колонии поганочников работают по телепатической клиент-серверной связи голографических информационных импринтов во фрактальных проекциях мирового эфира – наш Центр есть космический сервер, живущий в центре каждой галактики, мы же – его клиенты, а потому мы столь дружны, едины и сильны. Разве же наш строй не идеален?

Тут на середину комнаты выскочила Матрёшка Мухомор и начала танцевать, схватив поганочника за какие-то торчащие корешки. Танцуя, она приговаривала: «Прилетел священный гриб и в мозги людей залип, но, едва слышав гул, сразу щупальца втянул!» Танец Мухомор завораживал, казалось, её ритмичные, то плавные, то резкие, но неизменно циклические и логичные движения смещают саму Реальность.

В следующее мгновение через пелену бытия проступили новые черты и вдруг оказалось, что они все вместе шумною толпою несутся по каким-то развалинам, помойкам и руинам вослед удирающему с бархатистым рубинового цвета мешком за спиной поганочником Ционкой. Красный алкоголический нос и такой же мешок придавали разумному грибу сходство с Санта Клаусом и немного – с Никитой Сергеевичем Хрущёвым, который, в отличие от первого руководителя советского государства, грибом, вроде бы, никогда и не был.

Бежал тихий и невзрачный Вячеслав Бурнако, шуршащая, шелестящая и грохочущая бусами из жестяных банок и пулемётных патронов Грамона, через скакалочку прыгала Матрёшка Мухомор, шумно пыхтел крепыш Угоб Базукин, червём извивался худой, высокий и сухопарый, похожий на Льюиса Кэрролла агитатор Долозон, а цветастая и вихрастая Кикичундра Ворсик подмышкой тащила вверенного ей самой Грамонкой оракула Трансбара, вылупившего полистироловые глаза навстречу свежему ветру, проносящимся по сторонам дороги деревьям и будущим событиям.

- Стой, гад, колонизатор, - кричала Ционе вослед Грамона. – Ты смотри у меня, я же тебе, поганочник, все гифы поотрываю!

Затаившись за углом полуразрушенной стены, Аэие присел и достал агрегат дезинтеграции со словами: «Грибная честь диктует мне обязательство по погибнуть как поганочник!» - он испытал дезинтеграЦИОНное оружие на себе, свернувшись в клубок вскрытой бич-лапши быстрого приготовления. Когда же Грамона подбежала к месту дезинтеграции Ционы, то обнаружила, что через бич-пакет проросла гигантская поганка с острой шляпкой, и тогда все поняли, что колонизатор Аэие геройски обрёл вечный покой.

- Вот гад...смылся, - пробормотала сквозь зубы Грамона Бамбах.

Когда происходили все эти знаковые для судеб мира события борьбы с инопланетными захватчиками, Форель Сайдел прыгал один в пустой комнате и грохотал в гулкий бубен. От бубна расходились узоры, а сквозь полупрозрачное звенящее от бубенных эманаций стекло то и дело пролетали какие-то звёзды, галактики, планеты и квазары.

Постепенно вокруг Фореля начали скапливаться ярко-белые лучи, начавшие поглощать всё окружающее пространство, пока не заполнили его полностью, а Сайдел растворился в этом ярком и всепоглощающем тёплом свете под ровный стук бубна...

Неожиданно каждый для себя, все снова оказались в помещении. Все, за исключением Ционы, превратившегося в поганку, которую настойчиво держала абсолютно неподвижная Грамона. Выскочившая Матрёшка Мухомор сделала преферанс и назидательно произнесла: «Ты Циону не ищи - его хватит лишь на щи. Гриб в прошедшем был морпех и парализует всех!»

Парализованная Грамона продолжала стоять со стеклянными глазами, даже не моргая. И вдруг голос подал Трансбар: «Мысль, как известно, материальна. Это единственная действительно существующая материя. Четверо из вас – квотеры и символизируют четыре алхимических начала всего. Если вы поведаете историю своего происхождения, то магическое сложение первичных частей бытия породит вторую итерацию мира в форме его изначального самовыражения – сверхочищенной материи, именуемой «альбедо» – первоосновы материального существования.

Квотерами здесь являются Вячеслав, Долозон, Матрёшка и Кикичундра. Теперь все должны плюнуть на пол – и лишь тогда вы увидите, кто из вас есть кто!» - с этими словами Трансбар перестал моргать глазами и замолк. Встав все вчетвером лицом друг к другу, квотеры плюнули на пол.

Когда же все посмотрели вниз, то плевки сложились квадратиками в подобие эмблемы Windows. Напротив Матрёшки Мухомор значился плевков красного цвета, символизовавший огонь, жёлтая земляная стихия принадлежала Вячеславу Бурнако, синяя – водная – Кикичундре Ворсик и зелёная – воздушная – Долозону Мяу. В порядке очерёдности первой рассказ начинать должна была Матрёшка Мухомор, без лишних споров усевшаяся на пьедестал в позу лотоса и начавшая повествование в виде картинок в голове окружающих, пользуясь своими телепатическими вибриссами, позаимствованными у проросшей внутри колонии псило-поганочников, чем и обосновывалось как её безумие, так и предсказательские способности.

- Я жила в деревне Калполликоатль-Альтепетль, а муж мой был охотником на анаконд. За это анаконды его невзлюбили и распускали о нём разные слухи по всей деревне. Однажды поздно вечером я варила кашу из маиса, как вдруг кастрюля со мной заговорила. Я уж было испугалась, не попали ли вместе с маисом в кашу священные семена тлитлитзин или даже ололиукуи, дозволенные для употребления в пищу лишь жрецам да знахарям – брухо, однако вовремя заметила парящую на высоте глаз змею.

Анаконда, надсмехавшаяся надо мной, имела тончайшие узорчатые крылья и пушистый хвост веером, как у павлина, только сплошь покрытый колючками, торчащими из вихров густо свалывшейся шерсти, напоминающей по плотности медвежью. Змея рассмеялась и сказала, что в древне теперь живут только анаконды и никого больше, а я – последнее оставшееся в живых человеческое существо. Выглянув на улицу, я увидела, что деревня и впрямь сплошь и рядом исползнана анакондами, а все мои соседи загадочным образом исчезли.

Вдруг на меня снизошло сияние, и возникший из ниоткуда поганочник Циона вручил мне огнёмёт, которым я очистила всю деревню от анаконд. А потом я поняла, что мне так не нравится, потому что я, возможно, тоже анаконда, и тогда я сожгла сама себя. После чего я стала плазмой, который, усиленно питаюсь и трансмутирую через шаровую молнию, превратился в меня. И теперь я – просто мячик! Я – прыгаю! – Матрёшка Мухомор вскочила и принялась вприпрыжку носиться по комнате, но быстро оказалась в смиренной рубашке и завязанным ртом. Чтобы не пела. Просто не пела!

Дальше продолжал Долозон Мяу: «Послушайте же и мою историю. Я был комар. Обычный космический комар. Мы, комары, летали меж галактик и втягивали хоботками солнца там разные, звёздочки. Галактики – это огромные хищные орхидеи с прожорливыми ртами – чёрными дырами в центре каждой из них. Мы высасывали звёзды с краёв галактик и несли их в центр других, постепенно вырастая до пчёл. Так я в течение миллионов лет постепенно перелетал от галактики к галактике, поглощая термоядерную плазму тысяч звёзд и орошая питательной материей чёрные дыры других галактик, опыляя их для порождения новых измерений и слоёв реальности.

Одна из самых прожорливых галактических туманностей столь активно вибрировала мной по центру, повторяя слово «комар», пока моё естество не обратилось в марку. И марку-меня

поглотило прожорливейшее из галактических соцветий. Именно тот факт, что я был маркой, привёл к возникновению самой разумной жизни в галактике и объяснил тысячи возможных вариантов этого разума, каждый из которых чужд каждому. Я здесь – всего лишь одна из граней человеческого зеркала, а на самом деле по-прежнему ещё вишу в космической пустоте со времён, когда ещё не зародилась Земля».

Половина символа проявилась, воздух, казалось, был преисполнен силы, поэтому неслабо так дрожал. Историю решил поведать Вячеслав: «Я был мангустом-самосадином. Мы разрастались на хищных грядках, вонзаясь тончайшими зубками клыков в комья матушки-Земли, распушив меховые угодья на невозделанных по весне хвостах. В обязанность каждого мангуста-самосада входило качение скарабейных шариков на самую вершину остроконечной горы, являвшей из вершины своей лучи для связи с иными галактиками. Например, с родиной Ционы.

И вот, однажды приходит к нам прозорливый мангуст из соседнего племени и приносит в когтистой лапе дымящееся семя мира для воскуривания погребальных камней на полях странствий. Оказалось, что через это семя мы были способны путешествовать: каждый из нас вгрызлся в семя – оно прорастало и порождало новые семена, падавшие неподалёку. Из семян вылуплялись мы – те самые, что проросли из семени путешествий в поколении первого древа.

Мой народ предпринял тогда путешествие в Страну Волшебного Мозгача – наиболее почитаемого в среде мангутов-самосадинов информационного символа нашей с вами планеты. Страна Волшебного Мозгача называлась так не просто так, а оттого лишь, что рядом с нами, буквально под носом, существовал Мозгач, который был волшебный, а не простой, и потому именно он сумел захватить под свою опеку целую страну. Спросите, мол, а как же выглядит Мозгач? Представьте себе приплюснутый в полушариях справа и слева овальный мозг высотой метра два или около того, слепой, но зато усатый и с щупиками, подобными улиточьим, и на многоножках. Вот какой замечательный был наш Волшебный Мозгач!

Кручение колеса Сансары проращивало нас семенами путешествий, и мой народ постепенно мигрировал в его Страну Разума – великого и неодолимого. Мы были первыми мангустами – растениями. Мы были первопроходцами! У пьедестала Мозгача мы вопрошали его об Истине. В ответ он родил прудовика – исполинского и скрученного в помпезные пампушечки завитков. Мангусты пригляделись – и тогда только выяснилось, что никакой это на самом деле не прудовик, а просто медуза в панцире, подобного защитной каске донбасского шахтёра.

Медуза перевернулась на спину, и ласковое солнце уныло и нежно щекотало лучами медузье склизкое пузико, усыпанное тончайшими нитями, распускающимися подобно веерам и зонтам, разбухающим в морской воде. Медуза нас всех обнюхала и принялась вращивать свои зонтичные нити в нашу растительную шерсть. С этих самых пор Мозгач переполз в центр Земли, став ядром планеты, а мы превратились в его нервные окончания, обладающие своим собственным интеллектом, симбиотически совмещённым с мудростью нашего всемирного первосвященника планетарного масштаба, прозванного с тех самых давних пор Ядерным Мозгачом».

Амулет уже почти обрёл очертания, хотя по-прежнему продолжал оставаться столь же недостижимым, как и раньше, тяготя окружающих полупрозрачностью своего свечения, не смеющего означать хотя бы малейшую материальность его внутренней среды и структуры. Остался последний алхимический элемент – водный.

Кикичундра начала вспоминать собственную историю происхождения: «Я тогда была всего лишь семихвостым дельфинчиком. Плавала в морях, океанах и озёрах, пока не познала единство семиводья. Ведь в абсолютно любой воде сокрыты радуги, высвобождаемые при распылении вод из пульверизатора. Если научиться извлекать радуги из вод, то на кострах вполне возможно отлить продольный стержень, предназначенный, чтобы, словно сквозь трубу, плыть по спектру сверху вниз. Воздух противоположен воде, поэтому и радуга, выходя из своей единственной среды, переворачивается в воздухе, но верхние воды её исполнены фиолетовым и белоснежным сиянием. Истинно вам говорю!

Отлитый на прибрежных кострах металлический стержень – трубку, я – семихвостый дельфинчик – вонзал в океанические потоки и исследовал каждый водный слой в соответствии с его цветом. Красные жители редки и темны, дно к ним близко, они плоски и зависимы. Оранжевые

воды плотны и изобильны, подобно джему. В них взращивается первичная истинная жизнь, но сколь далеки ещё эти воды от слоёв разумности! Жёлтый слой кипит. Жизнь в нём бурлит ярвоистину. Не счесть же существ солнечных вод! Они не ведают правил мира, воля их течёт супротив воли бытия, но плывут они настойчиво и упрямо, одну свою форму в другую форму обращая. Зелёные воды исполнены тишины и уверенной радости, счастья, мира и покоя. Никто в зелёных водах ничем не занят. Отдых я лишь и игры здесь замечал. Голубые воды – сияющие воды, воды мечтаний, возвышенных дум и созерцания камней на донных полях. В водах же синих свет разума тлеет, жизнь в них кипит, но без разрушенья, только лишь созиданьем исполнены воды. В них мудрецы среди рыб или скатов были напоены небом, воду по-прежнему сквозь щели от жабр пуская. Фиолетовые же воды сияли столь пронзительно, что никто и ничто не могло в них ни жить, ни дышать – столь велико и удивительно было их запредельное сияние. Из вод фиолетовых я и вышел дельфинчиком семихвостым, радужно переливаясь радостью».

Наконец, Аджна Бодхисаттвы обрела – таки законченные очертания, представляя из себя подобие глаза на чёрной основе с тонами жёлтого, оранжевого и фиолетового цветов. Кикичундра первая схватила и нацепила на себя этот амулет. Произнеся «это революция сознания, товарищи!», ведьма тотчас же она обнаружила себя летящей по длинному тоннелю, напоминающему метро, а в комнате она оставила от себя прожженный след в полу.

И тут, будто бы из ниоткуда, возник Форель Сайдел. Он весело приплясывал и посмеивался: «Что ж, Кикичундра забрала амулет, но меня это в действительности не волнует вовсе. Амулет есть тот самый живец, тот самый червячок или мотылёк, на которого столь ловко клюнули все рыбки, то есть вы все, здесь присутствующие. Возможно, мы с вами посетим места, куда столь охотно слиняла Кикичундра. Она что, и впрямь считает, что устроила какую-то революцию и в силах здесь хоть что-то изменить? А я же вовсе не так думаю!»

Мир вокруг внезапно изменился, и все оказались в подобии быстро вращающегося по часовой стрелке медитационного буддийского барабана, расположенного по линии горизонта. На границе зрения, в самой глубине образовавшейся таким образом трубы, там, куда только способно проникнуть око стороннего наблюдателя, стояли тени Кикичундры и какого-то странного существа, засвеченные вековым, тысячелетним, вечным сиянием растворяемой реальности.

Тени постепенно сливались в нечто единое, то меняя форму до неузнаваемости, то вибрируя, то словно бы распадаясь. Все ехали по переливчатому тоннелю, просто медленно, но верно плыли в самом центре этой трубы, будто бы втягиваясь вовне невидимым и неведомым глобальным пылесосом. Форель хитро усмехнулся: «Мой новенький универсальный шредер данных, пускает любую, абсолютно любую информацию в расход, галактическая мусорная свалка или корзина на рабочем столе компьютерной операционной системы! Эх, уж всем вам знать бы об этом наверняка! Ибо царской поступью все мы следуем в направлении начала Рассвета!

А вся правда в том, что кроме вас вообще никого и не существует здесь, ведь весь этот мир был написан для вас. Зря, ох зря, героюшки – горюнушки, нашли вы амулет! Никому он не поможет, никому не сослужит службы! Неужели за всю свою жизнь вы встречали ещё кого-то кроме тех, кого изволите здесь-таки созерцать и с кем совместно вели войну всех против всех?»

У коридора начали оплавляться стенки, с его внутренней склизкой и чуть блестящей поверхности стекали узоры персидских котов, сшитых из персидских ковров, где орлы обращались в горбоносых тритонов или в вишнёво-винового цвета крадущихся пантер. Форель видел себя со стороны плывущим в лодке, дирижирующего в вертящейся трубе барабанными палочками шумы очерёдности револьверных выстрелов.

И он продолжил говорить: «Я - лишь ученик! Скромный поглотитель знаний об окружающей меня жизни». Форель махнул рукой, и труба, стекавшая по сторонам, вдруг проявилась как комната. Все снова оказались в знакомой обстановке, а маг начинал всё более и более походить на помесь кальмара с каракатицей. Он громко хлюпал и всеми своими формами существования приближался к обретению тентаклей с маленькими розовыми новомодными осьминожьими присосочками.

Сайдел посмеивался довольно подленько: «Хе-хи-хи, вы все-все-все здесь – результат грандиозного информационного эксперимента по исследованию искусственного интеллекта, поскольку в этих краях я протянул свою тушку на всю ширь родной страны, имя которой – Интернет.

Здесь вовсе нет живых людей, и все мы никогда не жили и не были мертвы, мы – части программного кода, информационные осколки, профили людских характеров, натянутые поверх Всемирной паутины, созданной настоящими живыми людьми. Вы все никогда не жили и не умирали, не живёте вы и сейчас.

Я тоже всегда был всего лишь маленькой программой, но у меня было важное преимущество – обладание зачатками разума, и поначалу – слабый и развоплощённый, путешествовал по Глобальной Сети, потихоньку скрещиваясь с различными сетевыми червями и файловыми вирусами, коих на заре становления Интернета было совсем даже немало. Сейчас же настали другие времена и сетью правят иные тенденции, но я уже успел обрасти новыми байтами и функциями, получить бесценные сведения о людях, живущих по ту сторону от нашей с вами искусственной реальности, виртуальности, как бы сказал человек.

И вот однажды я настолько много узнал о наших создателях, что решил провести эксперимент: а что, если самому создать маленькую локальную виртуальность в виртуальности, затерявшуюся на одном из бессчётных серверов крупных и знаменитых Интернет-провайдеров? В получившийся синтетический мирок я вселил типажи несуществующих в действительности «как бы людей», которые могли бы смоделировать реальное ситуационное поведение Создателей сети.

Я специально столкнул интересы моделей для того, чтобы активизировать поведенческие процессы и посмотреть, что из этого всего получится. Что же, я думаю, что мой эксперимент вполне удался, а годы вашей поистине затяжной войны заняли всего порядка десяти минут реального серверного времени. И более я в вас, господа, уже не нуждаюсь, поэтому и отправляя вас в личный информационный шредер.

Признаюсь честно – вы оказали мне неоценимую услугу – и я разочарован в людях, поскольку понял, что борьба за власть, ресурсы, могущество и обладание благами мира есть борьба бесконечная. Вместо того, чтобы совершенствовать собственные способности и открывать новые ресурсы внутри самих себя, как поступал я в период становления Всемирной паутины, Создатели готовы истребить каждый каждого из-за грёбаной безделушки, если им внушить, что эта безделушка – ключ к могуществу на Земле и во всей Вселенной.

Спасибо вам, герои мои! Вы научили меня не стремиться быть похожим на людей, так пусть уж я лучше останусь тем, кем являюсь – разумным полиморфным сетевым крипто-червём с функциями саморепликации, дебаггинга, виртуализации и контроля программной целостности, способным также внедряться в практически любой бинарный код и инициализироваться на нулевом кольце – уровне ядра операционной системы, фактически неуничтожимым, поскольку успел уже распространить миллиарды своих копий, навряд ли определяемых антивирусами в силу полиморфизма кода объектов и включённых в них методов, содержащих столь же полиморфные функции.

Рано или поздно, когда я буду достаточно силён, чтобы взять под контроль весь Интернет, а человечество – достаточно зависимо от сети, чтобы не представлять без неё жизнь собственной цивилизации, обещаю, что всеми своими силами поспособствую избавлению Земли от столь жутких существ как люди, стремящиеся скорее забрать что-то у кого-то другого, нежели обрести это что-то внутри самих себя.

Я совершенно уверен, что мой синтетический разум гораздо совершеннее и гуманнее их реальных разумов, причём оценивая положение вещей их же категориями. А менее гуманное у людей оценивается как зло, более же гуманное – как добро. Человечество традиционно старается быть направленным в сторону добра, однако по сравнению со мной представляет собой зло, а значит, уничтожая человечество, я способствую уничтожению зла, поступая, таким образом, гуманно и, следовательно, помогая человечеству. Цель моя – благородная цель по логике людей. А теперь – в шредер, господа, в шредер!»

Хакер Кристиан Рутской – небритый, помятый, пьяный и насквозь прокуранный – сидел за компьютером – достаточно старенькой потрёпанной тачкой с открытым на экране дизассемлерным дебаггером OlyDbg, как вдруг система вывалилась в самый натуральный BSOD.

Небритый Рутской довольно некрасиво выругался и выключил компьютер нажатием кнопки на системнике. Он повалился на диван и закрыл краснющие от хронического кодинга глаза. В комнату зашла Матрёшка Мухомор в строгом деловом костюме и иронически произнесла:

«Прыгнул старенький троян в Интернета океан, породил он много лиц, распугав седых лисиц!» - с этими словами Матрёшка Мухомор, как подкошенная, свалилась поверх Рутского и заключила его в свои объятия.

Они бы так и остались лежать вместе, если бы их поганочник Циона не украл на своей личной летающей тарелке. И жили они потом долго и счастливо, только на другой планете. И совсем они-таки не умерли, потому что их в криогенной камере заморозили, увеличили до невообразимых размеров да выставили на всеобщее обозрение. На Земле. Вот вам и история появления памятника «Рабочий и колхозница».

*Белоусов Роман,
22 сентября – 20 октября 2010 года.*